

ПОГРАНИЧНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ НА ЗАПАДЕ КНР В 1990–2000-е гг. (КАЗАХСТАН, КЫРГЫЗСТАН, ТАДЖИКИСТАН)

Пограничная проблематика в отношениях Китая с центрально-азиатскими государствами появилась в начале 1990-х гг. При этом она не была однозначной, т.к. в процессе переговоров появились спорные участки. Процесс урегулирования затянулся до начала 2000-х гг., при этом была реализована «китайская версия» урегулирования.

Ключевые слова: Центральная Азия; КНР; пограничное урегулирование.

Территориальное размежевание является одной из наиболее сложных проблем для любого государства на любом этапе его существования. Для отношений России и Китая пограничная проблематика, отраженная практически во всех межгосударственных соглашениях, стала одним из базовых элементов укрепления отношений вплоть до стратегического партнерства в XXI в. Для государств Центральной Азии, у которых после распада Советского Союза появились внешние границы, данный блок проблем также стал очень важным. Сейчас отношения для пограничных с Китаем государств достигли достаточно высокого уровня проведения совместных военных учений (начало процесса – с Киргизией в 2002 г., с Казахстаном и Таджикистаном – в 2006 г.). Следует отметить, что территориально-пограничные вопросы не раз поднимались в российско/советско-китайских отношениях в средние века и новое время. В то время, когда государства Центральной Азии пребывали в составе Российской империи, а затем Союза ССР, давление на них со стороны «Поднебесной империи» не было таким сильным. Единственно ощутимыми были события 1969 г., связанные с военно-политическим противостоянием на советско-китайской границе в регионе, которые затронули район реки Тасты и пограничного поселка Жаланашколь в Семипалатинской области. На современном этапе тематика пограничных конфликтов время от времени появляется в прессе, публицистические работы в 2000-е гг. отражают желание знать о проблеме больше [1].

Несмотря на то, что на более ранних этапах российско/советско-китайская граница была определена целой системой договоров и демаркирована на местности, в силу природных и социальных катаклизмов возникала необходимость регулировать спорные вопросы. Большая часть границы до последнего времени носила условный характер, частично относясь к неопределенным международными договорами, а частично – к административным границам бывшего СССР. На западном для Китая участке протяженность границы составляла 3200 км. Неурегулированность в области границ и их большая протяженность обусловили конфликтогенность проблематики пограничного урегулирования. В целом во внешней политике государств Центральной Азии в пограничном вопросе можно выделить так называемую «стратегию двух рубежей» – обустройство внешних границ (с КНР), а также с государствами бывшего СССР [2. С. 16]. Проблема границы – «утраченных территорий», «неравноправных договоров» была поднята китайской стороной искусственно, она следствие, а не причина советско-китайских противоречий во второй половине прошлого века. Следует отметить, что пограничное урегулирование на западном для Китая

участке с Россией и государствами Центральной Азии заняло относительно небольшой промежуток времени – с конца 1990-х до начала 2000-х гг. Окончательное же урегулирование пограничных проблем произошло: с Казахстаном в 1998 г., с Кыргызстаном в 1999 г., с Таджикистаном – в 2002 г. При всей сложности проблематики такие темпы урегулирования говорят о необходимости разрешить все пограничные вопросы в максимально короткие сроки для обеих сторон.

С самого начала переговоров об урегулировании в области границы у сторон можно обнаружить сходные задачи обеспечения национальной безопасности: снижение напряженности в районе границы; снижение общих трансграничных угроз безопасности; окончательное урегулирование пограничных вопросов; создание основы для дальнейшего взаимодействия в других областях. Также существовали и частные задачи: для республик Центральной Азии это, прежде всего: стабилизация внутривнутриполитической и внешнеполитической ситуации; снижение «китайской» угрозы; реформирование армии и т.д.; для КНР – урегулирование согласно «китайской версии» (пакетные соглашения, позволяющие решить несколько проблем блоком – уйгурский вопрос, проблема трансграничных рек); создание на основе достигнутых договоренностей «Центрально-азиатской системы безопасности».

Новые государственные образования потребовали и «новых» отношений КНР с ними. Например, в 1990-е гг. в работах некоторых китайских авторов появляется формулировка «жизненно важные интересы» КНР в регионе [3. С. 203; 4], характерные для мышления в духе *realpolitik* [5. С. 55–60]. Обосновать появление такого рода формулировок можно влиянием западных стратегий развития. Однако существует несоответствие либеральных терминов и их китайской трактовки [6. С. 61–72]. В целом в работах китайских авторов отмечалось постепенное создание «пояса добрососедства» на периферии границ КНР [7. С. 19–29; 8. С. 59–65]. С теоретической точки зрения, китайская сторона уже с начала 1990-х гг. начинает пересмотр внешнеполитических стратегий. В докладе на XVI общенациональном съезде КПК Цзяня Цзэминя идея мирного сосуществования Дэн Сяопина переросла в концепцию всестороннего сотрудничества, с культурно-цивилизационным оттенком: «...мир богат и многокрасочен. Существующие в мире цивилизации должны пользоваться взаимным уважением, в процессе соперничества и сравнения надо заимствовать полезное и совместно развиваться на основе поиска общего при сохранении различий» [9. С. 48].

Относительно государств-соседей было заявлено следующее: «Мы продолжаем укреплять добрососедскую дружбу, будем придерживаться доброжелатель-

ных отношений с соседями и относиться к соседям как к партнерам, выводить на новый уровень обмен и сотрудничество с окружающими странами. Нам нужна стабильность и предсказуемость отношений» [9. С. 48]. При этом процесс разрешения пограничных проблем по всему периметру – с Россией, Мьянмой, КНДР, Индией, Вьетнамом, а также государствами Центральной Азии находился на разных этапах. Важным и основополагающим для китайской стороны стало признание государствами Центральной Азии пяти принципов межгосударственных отношений, выдвигаемых КНР [10]. Повторяются подобные принципы и практически во всех базовых договоренностях КНР со странами региона, в ходе официальных визитов глав государств и других официальных лиц. «Мы навсегда останемся добрыми друзьями и хорошими соседями», – сказал премьер Ли Пэн во время своего визита в регион Центральной Азии в апреле 1994 г. [11. С. 13].

Для государств Центральной Азии, в свою очередь, признание пяти принципов, предложенных КНР, гарантировало неприкосновенность их территорий и режимов, что было особенно важно для начального периода независимости. Хотя именно принцип «нерушимости государственных границ и территориальной целостности» оказался под вопросом после начала переговоров. С бывшими республиками СССР Китаю приходилось решать вопрос в одной связке и в одном временном периоде (если не учитывать затянувшиеся переговоры с Таджикистаном, территория которого была охвачена гражданской войной). С этой точки зрения возникают многочисленные вопросы, на ряд которых невозможно ответить до сих пор.

Постараемся выделить основные, а также кратко на них ответить. Воспользовался ли Китай сложившейся ситуацией и являются ли соглашения о границе в регионе первой победой китайской дипломатии в новой для себя ситуации? Тема пограничного урегулирования в двусторонних отношениях вновь появилась практически параллельно с началом диалога по экономическим вопросам между СССР и КНР в конце 1980-х гг. Очередной поворот к улучшению отношений СССР с КНР произошел в 1980-х гг.: в 1982–1984 гг. СССР в одностороннем порядке совершил проверку границы, а в 1987 г. стороны обменялись официальными картами, определив участки, на которых линии границ не совпадали. Эти участки были признаны спорными, при этом фактически охраняемая граница не соответствовала договорным документам. Переговоры продолжались до 1992 г., однако после распада СССР этот вопрос распался на несколько «подвопросов» в связи с образованием независимых государств в Центральной Азии.

Для Китая появились новые «вызовы» – с каждым в отдельности можно было договориться на конкретных условиях, при этом реализовать собственные внешнеполитические задачи. С другой стороны, в идеале государства региона могли самостоятельно разрешить противоречия к собственной выгоде. Как отмечал президент Республики Казахстан Н. Назарбаев, в этом процессе «удалось преодолеть негативное “наследство” советского прошлого и построить свое взаимодействие с КНР на добрососедской основе» [12].

При этом стороны в подписанных в 1992 г. совместных коммюнике (с Казахстаном – 28 февраля, с Кыр-

гызстаном – 6 мая, с Таджикистаном – 11 мая) были намерены «придерживаться духа достигнутых ранее договоренностей между КНР и СССР [во взглядах] на современную границу». Китайская пресса называла эти соглашения «историческим событием» [13]. С самого начала по предложению китайской стороны была закреплена такая форма документов как пакетные соглашения – подписание практически любого соглашения, касающегося границы, сопровождалось либо приложением, либо дополнительным соглашением. 8 сентября 1992 г. в Минске была сформирована делегация трех республик Центральной Азии (Казахстана, Киргизии и Таджикистана) и Российской Федерации для ведения переговоров по пограничным вопросам. В соглашении были подтверждены договоренности и принципы ведения переговоров бывшей правительственной делегации СССР и правительственной делегации КНР. Каждое из государств зафиксировало это положение в двусторонних договорах с Китаем. Именно такой формат был единственно возможным, т.к. в государствах Центральной Азии только начался процесс создания собственных внешнеполитических ведомств, отсутствовала документальная база советско-китайских соглашений [14]. Однако, как отмечают исследователи, в связи со слабостью вновь созданных государств в процессе переговоров на данном этапе китайской стороне удалось выторговать большие площади «спорных участков» и увеличение их количества [15; 16. С. 147].

Сам термин «спорные территории» возник в сентябре 1969 г. на переговорах в Пекине между советским Председателем Совета Министров А. Косыгиным и китайским премьером Чжоу Эньлаем. Однако необходимо внести два существенных дополнения: 1) «спорными» были именно и исключительно территории, принадлежащие СССР, а с декабря 1991 г. – независимым государствам Центральной Азии; 2) собственно «спорными» они были исключительно только с точки зрения Китая, СССР никогда, ни в 1969 г., ни в 1987 г. (когда возобновились переговоры с КНР по пограничным вопросам) ни в одном юридическом документе подобного статуса не признал. Все якобы «спорные территории», вплоть до распада Советского Союза, де-факто и, что еще более важно – де-юре, принадлежали исключительно СССР. Именно на этом этапе появилась так называемая китайская версия урегулирования, китайская интерпретация решения пограничной проблемы. Отметим, что в советский период произошла эволюция взгляда Москвы на «территориальную проблему» – от ее полного отрицания до признания «спорных участков». Так, в 1987 г. стороны обменялись официальными картами. Работа над этими картами выявила участки, на которых линии границы не совпадают, и именно они требовали уточнения. И китайская, и советская стороны аргументировали свои позиции по указанным участкам. Таким образом, вопрос о делимитации и демаркации советско-китайской границы был поставлен в практическую плоскость. На этих переговорах речь шла только об уточнении ранее существующей российско-китайской границы в соответствии с современным состоянием местности.

К концу 1991 г. – моменту распада СССР – более 90% протяженности советско-китайской границы было

согласовано. После обретения независимости республики Центральной Азии стали правопреемницами пограничного диалога с Китаем относительно своего участка границы. Подтвердив договоренности, стороны продолжили переговоры по оставшейся части несогласованной линии государственной границы в составе совместной делегации Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана. Проблема на этом этапе заключалась в том, что в течение двух веков Россия, а затем Советский Союз в одностороннем порядке в некоторых местах передвинули столбы в глубь территории Китая от одного до 15 км, что не было закреплено в двусторонних договорах. Некоторые ошибки в прохождении границы были вызваны пересыханием русел рек. Сказывалась и малоизученность местности в прошлом веке, во время демаркации возникали и другие разногласия. Делались ссылки на то, что «документы XIX в. (тексты описания границы, картографический материал) по многим параметрам не соответствовали современному картографическому материалу и реальному состоянию местности ...были утрачены многие объекты и географические названия ...произошли природные изменения, изменился рельеф местности, русла рек и т.д.» [2. С. 17]. Не имея документального подтверждения о переносе границы, начиная с 1864 г. до середины XX столетия, республикам Центральной Азии и их демаркационным комиссиям довольно тяжело было отстаивать территорию, которая когда-то отошла к России, а затем к СССР. Таким образом, вопрос о легитимности самой линии границы вышел на первый план и отодвинул проблему исторической принадлежности территории (кстати, также навязанной в свое время китайской стороной). Если часть этих земель уже была освоена (например, в районе села Николаевка в Восточно-Казахстанской области, или в горах Барлык Алматинской области), комиссии обычно приходили к компромиссному соглашению в пользу государств Центральной Азии.

Важным вопросом пограничного урегулирования признавался и для КНР. Переговоры, начатые в советское время, рассматривались как «часть политики урегулирования западных границ КНР» [17. С. 207]. Были подтверждены и основные принципы переговоров: 1) уважение и приверженность уже достигнутым советско-китайским договоренностям; 2) урегулирование на основе норм и принципов международного права; 3) консультации при равном представительстве. Эти принципы были впоследствии закреплены в совместных заявлениях. В выступлении весной 1994 г. Ли Пэна в Ташкенте граница между КНР и РК называлась «границей мира и дружбы» [8. С. 59–65]. Китайская сторона отдавала себе отчет, что только в случае положительного решения вопроса о границах в регионе возможно налаживание другого рода отношений, в том числе взаимодействия в сфере военного сотрудничества и безопасности. А одностороннее (в пользу Китая) решение пограничной проблемы могло вызвать волну недовольства со стороны населения центрально-азиатских стран и спровоцировать нестабильность на границах. В итоге, Китай выбрал компромиссный вариант – пакетные соглашения, которые подписывали первые лица государства, а через несколько лет ратифицировали парламенты.

Наиболее быстро удалось урегулировать вопрос о прохождении государственной границы с Китаем Республике Казахстан. При этом у Казахстана оказалась самая протяженная граница с Китаем в регионе. Стороны подписали «Соглашение о казахстанско-китайской границе» 26 апреля 1994 г., когда в РК с официальным визитом находился премьер Госсовета КНР Ли Пэн. Оно определило линию прохождения границы (повторяющую линию прохождения советско-китайской границы на ее казахстанском участке) за исключением двух так называемых спорных участков, затрагивающих территорию между 15 и 16, а также 48 и 49 пограничных точек [18] (в районе реки Сары-Чельды (бывшая Алматинская область) и перевалов Чаган-Обо и Баймурза (бывшая Семипалатинская область), общая площадь которых составляла 944 км² казахстанской территории). В связи с этим демаркация казахстанско-китайской границы затянулась – лишь в сентябре 1997 г. было подписано дополнительное соглашение о границе, а 10 марта 1999 г. парламент Казахстана его ратифицировал. Так был фактически завершен процесс делимитации. По соглашению сторон 407 км² спорной территории отошли Китаю, а 537 км² остались у казахстанской стороны. При этом Казахстану не удалось разрешить сложный и важный вопрос о трансграничных реках.

С Кыргызстаном переговоры по пограничным вопросам начались в 1992 г. До 1996 г. Китай и Кыргызстан частично согласовали линию границы, однако сложность представляли спорные участки в районе перевала Бедель (водозбор реки Узенги-Кууш) и пика Хан-Тенгри. Всего «спорными» между Кыргызстаном и КНР были пять пограничных участков площадью более 34 тыс. км². Большая часть из них находилась в труднодоступных районах, имевших стратегическое значение. Вопросы о границе рассматривались в комплексе с соглашениями об экономической помощи. Оставшийся спорным участок Узенги-Кууш вошел в соглашение по границам между КНР и Кыргызстаном от 4 июля 1996 г. как сохраняющий особый статус, по которому необходимо было продолжить переговоры.

На основе данного соглашения была определена точка стыковки границ Китая и РК – пик Хан-Тенгри. Казахстан присоединился к соглашению, подписав его 24 сентября 1997 г. 17 марта 1998 г. парламент Кыргызстана ратифицировал соглашение. Спорные участки вошли в соглашение с особым статусом, по которому Пекин и Бишкек договорились продолжить переговоры. Дополнительное соглашение «О кыргызско-китайской государственной границе» было подписано руководством двух стран 26 августа 1999 г. в г. Бишкеке. На его основе (касающегося спорных участков границы) было достигнуто следующее: от спорного Бедельского участка площадью 2840 км². Китаю отошло около 900 км²; от участка, прилегающего к пику Хан-Тенгри, – 161 из 450 км²; участок Боз-Амир-Ходжент площадью 20 гектаров был отдан полностью. Таким образом, Кыргызстан хоть и незначительно, но уступил ряд территорий Китаю – 70% территории отошли Кыргызстану, а 30% – Китаю [19; 20. С. 131]. После смены власти в Киргизии в 2005 г., кыргызская сторона неоднократно выражала желание пересмотреть

договор о границах, однако 9–10 июня 2006 г. новый президент Кыргызстана К. Бакиев и председатель КНР Ху Цзиньтао подписали совместную декларацию, в которой говорилось, что все пограничные споры между Кыргызстаном и Китаем решены окончательно и никакого пересмотра ранее подписанных документов в этой области не будет.

Для Таджикистана решение погранично-территориальных проблем с Китаем заняло наибольший отрезок времени, связанный с гражданской войной. В марте 1993 г. китайский президент Ян Шанкунь и таджикский президент Э. Рахмонов опубликовали совместное заявление о признании основных принципов «взаимоотношений», последовавших за визитом таджикского лидера в Пекин. Китай в этот период претендовал на значительную часть Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО). Лишь 13 августа 1999 г. было подписано соглашение «О таджикско-китайской государственной границе», согласно которому Таджикистан сохранял полную юрисдикцию над спорным участком в районе перевала Карзак, но уступал Китаю около 200 км² другого участка близ реки Маркансу. В мае 2002 президент Таджикистана Эмомали Рахмонов подписал ряд соглашений с КНР, в том числе дополнительное соглашение «О демаркации границы и урегулировании территориальных споров», согласно которому Таджикистан согласился передать Китаю 1000 км² спорных территорий в ГБАО в обмен на снятие территориальных притязаний на 28000 км² таджикской территории. Среди документов также значились: Совместная декларация между КНР и Республикой Таджикистан, Соглашение о сотрудничестве в сфере энергетики между правительством КНР и правительством Республики Таджикистан [21]. Пограничное соглашение было ратифицировано Мажилисом Таджикистана в 2005 г.

Дипломатия государств Центральной Азии высоко оценивала заключение соглашений о границе. Так, по мнению чрезвычайного и полномочного посла РК в КНР К. Султанова, они «явились историческим событием и большим заметным успехом казахстанской дипломатии» [22. С. 85]. В связи с этим возникает противоречие: во-первых, государства Центральной Азии добровольно передали Китаю территорию, признанную «спорной» в одностороннем порядке – со стороны КНР, не получив при этом ничего взамен.

Для всех государств урегулирование пограничных вопросов непосредственно связывалось с проблемами безопасности в регионе. В этом плане очень важным стали подписания в апреле 1996 г. и апреле 1997 г. главами пяти государств – России, Киргизии, Китая, Казахстана и Таджикистана соглашения об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Они, в частности, предусматривали отвод войск и вооружений, за исключением пограничных, на 100 км от границы, отказ от проведения военных учений, направленных против другой стороны, ограничение масштабов этих учений и численности участвующих в них войск, а также отказ от наращивания войск в районе границы. Данные соглашения, как известно, легли в основу создания неформального межгосударственного политического

блока «Шанхайская пятерка», преобразованного в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС).

Еще один немаловажный вопрос, каким образом ситуация была подана в республиках Центральной Азии и существовало ли неприятие такого варианта урегулирования? Ниже приведены мнения общественности по поводу урегулирования 1990–2000-х гг. Следует отметить, что понятие «государственная граница» очень тесно связано с такими понятиями, как «патриотизм» и «государственный суверенитет». Соответственно, если в конституции государства сказано, что только народ обладает суверенитетом и правом изменять государственные границы, то только он вправе решить вопрос о новой линии прохождения границы.

Независимые исследователи прямо говорят о территориальных потерях – «весной 1999 г. согласно очередной демаркации от Казахстана было отторгнуто 400 лишним квадратных километров территории». Кроме того, подписание пограничных соглашений между Казахстаном и КНР связывается и с другими соглашениями и «странным образом совпадает с заключением нефтяных контрактов» [18]. Большинство независимых исследователей, занимавшихся пограничной проблематикой, признают проигрыш молодой центральноазиатской дипломатии [15]. Однако к полномасштабным исследованиям по проблематике до сих пор можно отнести только одну монографию – В. Хлюпина «Геополитический треугольник. Казахстан – Китай – Россия. Прошлое и настоящее пограничной проблемы» [18], которая полностью посвящена актуальным проблемам пограничного урегулирования. Мнение, основанное на доступной договорной базе, однозначно – Казахстан уступил часть собственной территории Китаю.

Такой же позиции придерживается ряд отечественных исследователей: «территориальных приобретений КНР добилась и в результате пограничного размежевания с республиками бывшего СССР» [23. С. 26]. Отмечают это во всех пограничных государствах [24. С. 15]. Вызвано это несколькими фактами. Во-первых, молчанием со стороны официальных источников практически на всех этапах переговорного процесса с Китаем. В связи с этим, в прессе появилось огромное количество альтернативных точек зрения, в том числе и с негативной оценкой происходящего. Небезынтересна в этом ряду публикация газеты «Новое поколение» (Казахстан) от 12 марта 1999 г. Она приводит множество откликов известных политических и общественных деятелей Казахстана, выразивших свое однозначно отрицательное мнение по вопросу урегулирования. Один из лидеров партии «Азамат», в прошлом посол в Китае (в 1992–1995 гг.) М. Ауэзов заявил: «Отношение резко отрицательное. Случаи со спорным участком Сарычильды – это дезинформация общественного мнения со стороны официальных органов власти... когда пограничные вопросы решаются с использованием лжи и дезинформации, это граничит с государственным преступлением» [25]. Лидер антиядерного движения «Невада-Семипалатинск» Амантай-кажы: «Передача казахстанской земли Китаю останется на совести властей. Мне страшно, что после такой ужасной ошибки правительства наши будущие потомки будут проклинать нас... Главная вина президента – то, что при решении

вопроса спорных земель не было гласности... Я считаю, что деление границ... это мафиозное проявление...» [25]. Председатель экологического движения «Табигат» М. Елеусизов: «Президент не имеет права передавать эти земли чужой стране без согласия народа... нельзя одним взмахом руки отказаться от такой богатой земли». Писатель и ученый Сапабек Асипулы: «не только эту территорию, даже пяди земли без согласия казахского народа никто не вправе отдавать другим». Экс-председатель Гражданского движения Казахстана «Азат» Толеубек Сейкалиулы: «Наша земля принадлежит не одному человеку – президенту, а народу. За всю историю... не было такого, чтобы он мог решать судьбу земли, которую наши предки отвоевывали потом и кровью. Это грубейшее нарушение со стороны правительства...». Член Президиума Республиканского славянского движения «Лад» Яков Белюсов: «Все в нашей стране должно решаться волей и изъявлением народа. Вопрос передачи казахстанской земли Китаю судьбоносен, поэтому нельзя делать такие неосторожные, необдуманные действия без согласия народа». Председатель Республиканского движения «Поколение», депутат Алматинского городского маслихата-собрания Ирина Савостина – «Мы живем по принципу – «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим» [25]. Тем не менее были и более сдержанные отзывы. Так, казахстанский исследователь, доктор политических наук К. Сыроежкин считает рассматриваемое событие нормальным процессом, который закрепил статус-кво в пограничных отношениях между Казахстаном и Китаем [26]. Можно присоединиться в данном случае к высказыванию М. Ашимбаева: «начавшиеся в Центральной Азии процессы делимитации границ проходят непросто» [27. С. 8], но их завершение открывает возможности дальнейшего обеспечения безопасности в регионе.

И последний вопрос – каким образом проблема была подана в самом Китае? Прежде всего, следует отметить постоянную позитивизацию любых переговоров Китая с бывшими республиками СССР в китайской прессе. Как отмечают исследователи, количество критических материалов в китайском медиа-поле не превышает 5% [28]. Однако в китайской прессе просматриваются и националистические, ревизионистские позиции и настроения. В частности, бывший директор Института политологии Академии общественных наук КНР Янь Цзяци отмечает «проигрыш» Китая в пограничных вопросах – «Китай признал границы в Центральной Азии, которые создавались императорской Россией... нужен реванш... и справедливый пересмотр пограничных соглашений» [29]. Данная точка зрения находит сторонников среди части китайской элиты. Время от времени националистические точки зрения, в том числе и применительно к границам появляются в сети Интернет, особенно во время каких-либо внешнеполитических изменений [30].

Очень сложно оценить также формы и методы того, как китайская внешнеполитическая элита «преподносила» проблему границ. Практически невозможно ответить сейчас на вопрос, какое количество населения Китая считало линию прохождения границы «спорной». Однако, основываясь на отношении рядовых ки-

тайцев к «унижению Китая» в конце XIX – начале XX в., можно предположить, что большинство. Более того, китайская сторона преподнесла урегулирование как «уступку» Китаем части территории государствам Центральной Азии! Так, в опубликованных картах Синьцзяна на 1 января 2002 г. и 1 января 2005 г. можно увидеть существенные изменения. Согласно новому прохождению линии государственной границы можно увидеть, что Китай отдал часть территории центрально-азиатским государствам! Это возможно только в одном случае – если Китай изначально включал все «спорные территории» в состав собственной. Именно с этой позиции и возможна ситуация с «потерей» части указанных территорий. Однако на практике Китай получил около трети «спорных территорий», которые опять-таки могут быть рассмотрены как «потерянные» или «утраченные». Соответственно, появляется самый главный вопрос – разрешена ли пограничная проблема государств Центральной Азии с Китаем раз и навсегда?

Несмотря на большой комплекс нормативно-правовых актов, подписанных в 1990-х гг., окончательное решение пограничной проблемы затянулось до 2002 г. Важным шагом в формировании «новой модели» сотрудничества на основе новой концепции безопасности стал Шанхайский саммит глав пяти государств 1996 г. Как отметил в своем интервью кыргызскому изданию Цзянь Цзэминь, «... в 1996 году на саммите в Шанхае был открыт исторический путь к развитию добрососедского, взаимовыгодного сотрудничества между соседними государствами: Китаем, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном на основе концепции безопасности нового типа» [31]. Далее он отметил взаимную обусловленность двух областей сотрудничества: «Безопасность и стабильность являются предпосылками экономического развития, экономическое развитие, в свою очередь, является залогом долговременной безопасности и стабильности. Исследователи пошли дальше, назвав формирующуюся систему «новой моделью безопасности в Центральной Азии при активной роли Китая» [32. С. 40]. Китай в данном случае подкрепил решение пограничных вопросов созданием «Шанхайской пятерки» и далее – Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

В своей политике в Центральной Азии КНР приходилось учитывать весь комплекс позитивных и негативных факторов, а их приоритетность определялась исходя из сложившейся социально-политической ситуации как в самих государствах постсоветской Центральной Азии, так и в КНР. В Китае отчетливо понимали, что внутренняя нестабильность в регионе и нерешенность ряда проблем между новыми государствами будут дополнены борьбой за распределение сфер влияния между Россией, Турцией, Ираном, США. Именно поэтому, используя свои преимущества и возможности в расширении торгово-экономических контактов с новыми независимыми государствами и ограничивая доступными «внутренними» средствами уровень негативного воздействия происходящих в ней процессов на мусульманские районы КНР, в остальном Китай занимал позицию выжидания, предоставляя самим государствам выбор долгосрочных политических и внешнеэкономических приоритетов развития.

Китайское руководство в рассматриваемый период относительно устраивала политическая роль и присутствие в регионе США, ограничивающая степень влияния в нем Ирана и обеспечивающая хотя бы видимость рыночных и демократических преобразований, а также ослабление влияния националистических сил. Устраивало КНР и присутствие в регионе России, выполняющей роль полюса (вплоть до конца 2001 г., который даже называют «Новой Большой Игрой» [33]). Существенное значение для китайской политики на постсоветском центрально-азиатском пространстве имела и оценка социально-политической ситуации в новых государствах, направленная на поддержку существующей политической власти с целью не допустить рост влияния пантюркизма и исламского фундаментализма. В целом создание нескольких национальных государств в пределах Центральной Азии оценивается положительно и «благоприятно для КНР» [34. С. 60–62], это позволило решить в короткие сроки пограничную проблему, установить отношения на базе общих угроз, а также «оттянуть» решение других проблем.

Многие черты современного международного курса Китая сходны с его внешнеэкономической политикой. Для последней характерны постоянная игра на противоречиях между конкурентами, рассредоточение зависимости от критически важных поставок (стратегического сырья, топлива, технологий) по максимально широкому кругу контрагентов. Международный курс КНР нередко отражает ту же логику, регулируя (повышая или понижая) уровень и плотность связей с отдельными государствами [34. С. 60–62]. В целом процесс двусторонних и многосторонних отношений между Китаем и государствами Центральной Азии является примером эволюции китайской политики и роста ее опыта [35. С. 4]. Тесная связь экономики и политики (в

данном случае – внешней политики и внешнеэкономической деятельности) встречается у китайских авторов повсеместно. Как и в других частях мира, КНР сначала демонстрирует активную экономическую политику, потом – переход в сферу политики (иногда одновременный процесс). При активизации в регионе США Китай отреагировал сначала политически (создание ШОС, урегулирование границ с Казахстаном и Кыргызстаном), потом – снова экономически (подтвердил все договоренности с Казахстаном в области газа и нефти).

Можно сделать вывод, что на глобальном уровне для КНР отношения с пограничными государствами имеют второстепенное значение (первостепенное значение имеют отношения с США и другими развитыми странами – так, например, в торгово-экономической сфере интересы КНР лежат в основном вне региональных центрально-азиатских границ – основными партнерами являются Япония, США, ЕС, АСЕАН), однако на региональном уровне этим отношениям отводится приоритетная роль, что еще раз подтверждается сотрудничеством в рамках ШОС, а также серией соглашений «направленных в XXI век». Важное значение государствам Центральной Азии отводится и для развития Запада КНР. Однако в рассматриваемый период здесь налицо деление государств на «пограничные» и «остальные». Для государств Центральной Азии, в свою очередь, отношения с КНР и на глобальном и на региональном уровне имеют первостепенное значение. КНР является одним из «полюсов силы» [36]. Документы, относящиеся к пограничному урегулированию, практически поставили точку в долгосрочном процессе урегулирования пограничного вопроса между странами, который довольно остро стоял еще во времена СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мусалов А. Даманский и Жаланашколь. Советско-китайский вооруженный конфликт 1969 г. М.: Экспринт, 2005.
2. Турарбеков Б. Делимитация границы как она есть // Континент. 2000. № 22 (35). 12–29 ноября.
3. Xing Guangcheng. Security Issues in China's Relation with Central Asian States // Ethnic challenges beyond borders. Chinese and Russian Perspectives of the Central Asian Conundrum / Ed. by Yongjing zhang and Rouben Aziziah. L., 1998.
4. Pei Yuanying. The Five Principles of Peaceful Coexistence and China's Diplomacy in the New Period. Materials of Chinese Institute of International Studies. URL: <http://www.ciis.org.cn/2005-02-25/50821>
5. Боровой В. Региональная политика во внешнеполитической стратегии КНР после окончания «холодной войны» // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. № 1.
6. Савкович Е.В. Формирование и развитие внешнеполитической терминологии в КНР на современном этапе // Сибирский международный ежегодник. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. Вып. 3.
7. Чжан Вэнью, Ли Цзинцзяо. Отношения КНР с Россией и государствами Средней Азии: нынешний статус, движущие силы и перспективы // Китайские политологи о положении в странах СНГ. М.: Экспресс-информация, 2004. № 3.
8. Чэнь Миньшань, Хэ Сицюань. Центральная Азия: сегодня и завтра // Китайские политологи о положении в странах СНГ. М.: Экспресс-информация, 2004. № 3.
9. Цзянь Цзэминь. Цюаньминь цзяньшэ сяокан шэхуйб кайчуан чжунго тэсэ шэхуйчжуй ише синь цзюймянь – цзай чжунго гунчаньдан ди шилуци цюаньго дайбяо дахуэй шан дэ баогао (Всесторонне строить общество малой зажиточности, создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой). Доклад на 16-м общенациональном съезде КПК. Пекин, 2002.
10. Жэньминь жибао. 1991. 28 декабря.
11. Би Исянь. Отношения Пекина со странами Центральной Азии // Чжунго да лу янцзю (Китайские исследования). 1994. № 9.
12. Назарбаев Н.А. Интервью Радио «Свобода». Главное для нас – сохранить независимость // Время по Гринвичу. 1999. 11 мая.
13. Жэньминь жибао. 1992. 29 февраля.
14. Парамонов В., Столповский О. Погранично-территориальные проблемы в китайско-центральноазиатских отношениях // Информационный портал «Время Востока». Режим доступа: <http://easttime.ru/analitic/3/8/575.html>
15. Хафизова К. Многомерные границы Центральной Азии // Фонд Карнеги. Публикации. Режим доступа: <http://www.pubs.carnegie.ru-01.08.2000>
16. Dwivedi R. The China and Eurasia Forum Quarterly. November 2006. Vol. 4, № 4.
17. Xing Guangcheng. Security Issues in China's Relation with Central Asian States // Ethnic challenges beyond borders // Chinese and Russian Perspectives of the Central Asian Conundrum / Ed. by Yongjing zhang and Rouben Aziziah. L., 1998.

18. *Соглашение между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о казахстанско-китайской государственной границе* (26 апреля 1994 г., Алматы) // Хлюпин В. Геополитический треугольник. Казахстан – Китай – Россия. Прошлое и настоящее пограничной проблемы. Вашингтон, 1999. Режим доступа: http://iicas.org/AIBOLIT/publ_Vtr_5a.htm
19. *Дополнительное Соглашение между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой о кыргызско-китайской государственной границе* (г. Бишкек от 26 августа 1999 года) // Информационно-правовая система Кыргызской Республики «Токтом».
20. Керимбекова Н., Галицкий В. К вопросу о кыргызско-китайской государственной границе // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 5 (23).
21. *Информационное сообщение по итогам визита президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмонова в КНР. Министерство иностранных дел КНР.* Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/eng/include/fmprc_outlinefunc.js
22. Султанов К. Наш сосед-Китай // Казахстан и мировое сообщество. 1995. № 3 (4).
23. Ломанов А.В. Транзит без пункта назначения. Проблема вхождения России и Китая в мировой порядок // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6, № 2.
24. Ночевкин В. Китайцам отдали заставу и... кое-что в придачу? // Дело. 1999. № 4.
25. *Казахстанская правда.* 1999. 14 декабря.
26. Сыроежкин К. Мы не одиноки // Континент. № 15 (77). Режим доступа: <http://www.continent.kz/2001/20/08.html>. 24 июля – 20 августа 2002 г.
27. Ашимбаев М.С. Безопасность Казахстана на современном этапе. Статьи, интервью, выступления. Алматы, 2002.
28. *Имидж Китая и России в СМИ. Материалы Фонда развития сотрудничества с Китаем.* М.: ИМА-Консалтинг, 2005.
29. Янь Цзяци. Чжун Э бяньцзэ вэньти бисюй цзайи (Необходимо вновь обсудить вопрос о китайско-российской границе) // Дуньсян. 2002. Ноябрь. № 207. Режим доступа: <http://www.chengmingmag.com/t207/select/207sel03.html>
30. *Howard Ho. Zhongguo zai Gelujiya zhanzheng zhongde biaoхian shiwang* (Надежды Китая в грузинской войне) // Chunqiu Zhanguo. Quanjie zhongwen wang (Информационный портал «Весна-Осень. Борющиеся государства. Всемирная сеть на китайском языке»). URL: <http://www.cqzg.cn/10.08.2008>
31. *Экспресс-опрос* руководителей государств – участниц «Шанхайской пятёрки» // Слово Кыргызстана. 24 августа 1999. № 99. Режим доступа: http://kabar.gov.kg/russian_obzor/1999/8/24.html
32. Чжан Бужэнь. Обеспечение региональной безопасности – основное направление сотрудничества «Шанхайской пятёрки» // Президент Путин: внутренняя и внешняя политика России и российско-китайские отношения (оценка китайских политологов). Экспресс-информация. М., 2001. № 5.
33. Clarke M.E. In the Eye of Power: China and Xinjiang from the Qing Conquest to the «New Great Game» for Central Asia, 1757–2004. Griffith University, 2004. 569 p.
34. Остроухов О.Л., Салицкий А.И. Внешняя политика КНР: обеспечение суверенитета и целей развития // Китай в мировой политике. М., 2001. С. 60–62.
35. Галымова В.Ф. ШОС: новая политика нового Китая // ANALITIC. 2003. № 5.
36. Касымбеков М.Б. Особенности внешней политики Казахстана в отношении КНР и США // Казахстанский институт стратегических исследований. Режим доступа: <http://www.kisi.kz/Parts/ExtPol/06-25-02Kasymbekov.html>

Статья представлена научной редакцией «История» 26 января 2010 г.